

ЮРЬЕВ П. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЮРЬЕВ Павел Алексеевич, родился в 1871 в Санкт-Петербурге (отец, Юрьев Алексей, дворянин, надворный советник)¹. Окончил университет, по специальности экономист, с 1896 — служил в канцелярии Государственной Думы и в Министерстве финансов, к 1917 — в чине статского советника. В 1920-х — работал в учреждениях Ленинграда, в 1929 — вышел на пенсию по инвалидности. В марте 1935 — выслан из Ленинграда в Саратов на 5 лет². В апреле 1936 — просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<15 апреля 1936>

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИССИИ
ПОМОЩИ ВЫСЛАННЫМ
тов<арш> Е. П. ПЕШКОВОЙ.

(Москва, Кузнецкий мост д<ом>, № 24, кв<артира> 7).

Глубокоуважаемая, Екатерина Павловна!

Препровождаемое при сем в адрес НКВД (по особому присутствию) заявление прошу Вас направить по назначению с Вашим благоприятным заключением.

В своем заявлении я выясняю и защищаю то положение, что в деле высылки меня из гор<ода> Ленинграда на жительство в г<ород> Саратов сроком на 5 лет была допущена, с одной стороны, переоценка значения (размера) вмененной мне вины (сын дворянина, надворного советника, социально опасный элемент), с другой — недооценка, применительно к моим личным условиям (65 лет от роду, отягощенность болезнями, одиночество, необходимость операции), — тяжести примененной ко мне меры социальной защиты (ссылка на 5 лет).

Хотелось бы думать, что острота политического момента, вызвавшая год назад применение такой меры государственной самозащиты, как массовая высылка из города Ленинграда соц<иально> опасных элементов, в настоящее время если не исчезла совершенно, то в значительной мере смягчилась и получила менее тревожную оценку.

В этом предположении позволительно надеяться, что теперь уже явилась возможность более, чем то позволяла острота пережитого момента, — углубленно вникнуть в дело каждого адм<инистративно> ссыльного как со стороны действительного наличия и значения его социальной опасности, так и со стороны индивидуальной соразмерности примененной в свое время по необходимости огульно меры социальной защиты.

Мое дело чрезвычайно просто и вместе с тем не менее трагично, поскольку явилось не результатом какого-либо нарушения с моей стороны законов или правопорядка и не в результате каких-либо незаконных действий или недопустимых поступков, а лишь следствием единственно того, что я имел несчастье родиться и жить еще до революции и вследствие этого имею с нынешней точки зрения некрасивое прошлое в виде отца — служилого дворянина, прошлое, набрасывающее тень и якобы, несмотря ни на что, предопределяющее отрицательность моей социальной личности.

Однако, наряду с этим, я ведь в течение 17 лет безупречно работал в

¹ Алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917 год. Петербургский генеалогический портал, 2005. Издательство ВИРД, 2005.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1381. С. 20-22.

советских учреждениях гор<ода> Ленинграда и даже, как ударник и хороший общественник (членом профсоюза состою с 1918 года), был премирован и занесен на красную доску строителей социализма. Ни власть, ни государство меня как работника не только не отвергали, а наоборот, даже поощряли. Через многократные чистки государственного аппарата проходил безукоризненно. В 1929 году вышел на инвалидность по 2-й группе и при назначении пенсии в свою очередь прошел чистку; как гражданин никаким взысканиям ни в судебном, ни в административном порядке (до данного случая) не подвергался. Следовательно, я был законопослушен и существующему правопорядку не только не враждебен, но, как признанный участник строительства социализма (имею грамоту), видимо был даже полезен и солидарен с выдвинутыми государственными целями и задачами.

При такой действительности, не могущей быть извращенной даже самой беззастенчивой клеветой, и за истечением большого времени, каковые данные в общих исторических условиях обыкновенно давали достаточные основания для полного забвения прошлого, тень, наброшенная на меня прошлым, казалось бы, должна если не исчезнуть совсем, то во всяком случае по крайней мере ослабеть в оценке своего значения.

Родился, получил образование, работал и прожил всю жизнь в городе Ленинграде.

Обращаясь к Вам, крепко надеюсь, что Ваше всегда благожелательное отношение к участи обездоленных обеспечит и в данном случае правильное освещение и справедливое разрешение моего дела и тем позволит мне окончить дни мои на родине при попечительских заботах оставшихся там близких.

<П. Юрьев>

15/IV -36 г<ода>³.

В октябре 1936 — Павел Алексеевич Юрьев продолжал находиться в Саратове⁴.

---

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1472. С.17. Машинопись, подпись и дата — автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 1557. С. 367; Д. 1559. С. 145.